

Мозговая Т.А.

Национальный педагогический университет имени М.П. Драгоманова

«НЕБЫТИЕ И ВРЕМЯ» В ЯПОНСКОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

В статье осуществлена попытка сравнить восточную и западную модель мышления на примере японского и западноевропейского типа рациональности. Утверждается, что проблема небытийной природы времени как особой формы организации бытия в японской духовной традиции, является результатом многовекового синкретизма синтоистских, буддийских, конфуцианских и даосских мировоззренческих представлений. Цель исследования заключается в осмыслении специфики небытийного понимания природы времени, в основе которого лежит восточная концепция небытия. Восточная концепция небытия и времени является предметом исследования таких российских и украинских философов и культурологов-востоковедов, как И. Безруков, Г. Васик, Т. Григорьева, С. Капранов, Ю. Козловский, А. Мещеряков, Е. Скворцова, К. Солонин, А. Стрелкова, Н. Трубников.

Ключевые слова: синтоизм, буддизм, конфуцианство, даосизм, восточная концепция небытия, бытие, небытие, время, небытийная природа времени, надлежащее время, следовать времени, пространственное понимание времени.

Введение. Наиболее стойкая особенность японской культуры, пронизывающая ее от древности до наших дней, – это постоянное очарование недолговечностью природы и ее вечным обновлением. «Ничто не остается бранным, все изменяется» – это правило дзэн позволяет находить радость в том, что приносит нам мгновение. В этом заключается сущность *укиё-э*, искусства эпохи Эдо: запечатлеть образы «струящегося и эфемерного» мира. Потому дворцы и монастыри строили из бумаги и дерева, а земля под ногами, рисовая солома, трубки бамбука ценились не меньше, чем золото и шелка.

Анализ публикаций и исследований характеризуется сегодня относительно небольшим количеством научных работ по проблемам изучения небытийной природы времени и пространства российскими и украинскими философами и культурологами-востоковедами. Объясняется это тем, что основательное изучение феномена дальневосточной культуры и философии невозможно без знания японского языка. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что в советский период наиболее известными специалистами в области исследования японской культурной традиции были Т. Богданович [3], Т. Григорьева [5;6], А. Игнатович [7], Ю. Козловский [10], Н. Конрад [11], А. Мещеряков [12].

В последние годы исследования в области изучения японской культуры и философии стали успешно развиваться. Появились новые фундаментальные работы таких отечественных философов и культурологов-востоковедов как И. Безруков (Россия) [1; 2], Г. Васик (Украина) [4], С. Капранов (Украина) [9], Е. Скворцова (Россия) [14], К. Солонин (Россия) [15], А. Стрелкова (Украина) [16], Н. Трубникова (Россия) [18].

Целью статьи является осмысление специфики небытийного понимания природы времени, в основе которого лежит восточная концепция небытия, которая рассматривает небытие как добытие, а бытие и время соответственно как оформленную манифестацию небытия и перемен. Автор попытался сравнить две диаметрально противоположные модели мышления – восточную и западную в их понимании идеи небытия и времени.

Основная часть. На современный японский язык термин «время» переводится как *джикан*. Первый иероглиф слова «время» – *джи* – древнекитайского происхождения. Может переводиться как «момент» (не в смысле момент-мгновение, а скорее момент-случай), «пора», но чаще всего *джи* переводится как «время». Элементами этого иероглифа есть иероглифические ключи – «солнце» (или «день»), «земля» и «мера измерения». В более общем значении – это идея циклического обновления природы. В связи с данным значением *джи* скорее приобретает смысл «поры» или «сезона» года. Тем самым, одновременно указывается на определенный вид деятельности, а также и на образ жизни человека: весна – сажать, лето – поливать, осень – собирать, зима – сохранять. Но даже не в этом кроется глубокий смысл иероглифа *джи*, а прежде всего в том, что он несет в себе требование «соответствия времени» (соответствия моменту-случаю), то есть соответствовать тому, что случается в природе, в людском сообществе и т.д. «Следовать времени» означает – принять перемены: случилось прийти – приходиться, случилось уйти – уходить. Тем, кто умеет спокойно следовать времени и покоряться, не владеет ни скорбь, ни веселье. Эта покорность изменчивости сочетается с некоей «нескованностью» или «определенной неопределенностью» значения иероглифа *джи*.

Второй иероглиф *кан* переводится как – «промежуток», «расстояние», «интервал». Основным знаком этого иероглифа является иероглифический ключ «ворота». В более общем значении – это идея (вид, образ) вхождения в таинственный мир времени. Высокие ворота-*тории* нередко ярко-красного цвета с далекой древности олицетворяют в Японии авансцену культового пространства и встречаются сегодня повсеместно, даже глубоко в лесу. В поле, на склоне холма, у обочины дороги – всюду путешественник наталкивается на скромные деревянные строения, ведущие в сверхъестественный мир *ками* (синтоистских божеств) данной местности. Для японцев невидимый мир так же реален, как и тот, где проходит «бренная жизнь». Такое восприятие видимого и невидимого объясняет существование божеств *ками*. Эти божества – добрые и злые, населяющие растения, деревья, камни, животных, рождены воображением японцев, которые боятся их и боготворят. Места обитания синтоистских божеств *ками* японцы оцепляют огромными канатами, а у входа в их владения они воздвигают ворота - *тории*.

«Покорность изменчивости» восточных мудрецов отнюдь не означает безмятежности, спокойствия и нежелания перемен, это скорее уравновешенность (*ва*). Но удержание равновесия является результатом непрерывного взаимодействия с окружающим миром – в постоянно изменяющихся условиях. Равновесие сохраняется, пока человек изменяется в соответствии с порядком изменений всего остального мира. Словосочетание «быть ко времени», или же «быть своевременным», очевидно, наиболее полно отражает восточное (дальневосточное, то есть японское) понимание идеи покорности изменчивости и одновременного соответствия моменту.

Японская культурная традиция, в отличие от европейской, не связывает понятие изменения с обнаружением некоей «ущербности» или «недостатка бытия», а, напротив, в явлении перемен обнаруживается богатство жизни. Перемены – это не просто изменения, а это естественные изменения, и противостоит им не покой, а противоестественные изменения. Потому рождению противостоит не смерть (они взаимнообратимы), а вырождение. Вследствие этого для европейской традиции, – изменчивость – это недостаток бытия и более того, даже ущербность жизни, потому поиск истины всегда сопряжен с поиском неизменного и вечного начала. Для восточной же традиции, – изменчивость – это полнота жизни, и соответственно, истина познается в мгновении, в намеке, в красоте мимолетного.

Особое понимание времени на Востоке является следствием своеобразия (в европейском смысле) в понимании диалектики бытия и небытия. Если на Западе небытие понимается как нечто, куда все безвозвратно исчезает, то на Востоке – как нечто, откуда все появляется. Небытие, согласно восточным учениям, не является чем-то потусторонним, внушающим ужас и страх, не является знаком или символом смерти, а имеет совершенно противоположное значение – прежде всего это потенция всего сущего.

Итак, все уже есть в потенции, т.е. в небытии, и время от времени появляется в бытии феноменального мира. Небытие содержит вещи в невыявленной и в непроявленной форме. Без уяснения этого постулата невозможно понять специфику структурирования мира восточным мышлением. Действительное бытие постоянно определяет себя из небытия, другими словами, бытие всегда является проявленной или выявленной манифестацией небытия, в свою очередь, время – проявленной формой или манифестацией перемен.

Идея потенции всего сущего тесно переплетается на Востоке вообще, и в Японии в частности, с особым пониманием времени. Небытийная природа времени как небытия уходит своими корнями в традиционное японское мирозерцание, в первую очередь в представления синтоизма и буддизма о конечной реальности как о «здесь и теперь». Время в синтоистском представлении всегда есть «теперь» (*яп.* – «*нака-има*» – время между прошлым и настоящим), оно дискретно и лишено длительности. Так как каждый момент – нечто целостное, самостоятельное, то он не может иметь ни начала, ни конца, не может быть связующим звеном между прошлым и будущим. Снять измерение с пространства и времени – этой цели подчинено и дзэнское искусство. Дзэн отрицает рациональное постижение истины, время в нем понимается как часть непреложного ритма космоса, который принадлежит духовному абсолюту, пронизывающему как человека, так и вселенную в ее циклическом движении. Цель чайной церемонии или японских садов – полностью освободить человека от ощущения пространства и времени, потому часы в чайной комнате – это нонсенс.

Характеризуя небытийную природу времени, Т. Григорьева подчеркивает, что «все выплывает на время из Небытия, как волна, чтобы как волна, опять исчезнуть в океане Небытия» [6, с. 11].

Отсюда становится понятной определенная вневременность японского классического искусства. Очень сложно определить к какому веку относится та или иная *танка* - к VII или XVII в. В японских стихах и пьесах никогда не упоминаются

исторические даты, но всегда присутствует время года. При этом сезоны года являются лишь моментами принципа вечной цикличности в природе и часто колорит той или иной пьесы зависит от того или иного времени года. Обновление поколений рассматривается лишь как часть круговорота Вселенной, в силу чего личность остается незаметной в бесконечном космическом процессе. Стянутость времени и пространства в одну точку, некую надвременность и надпространственность мы можем обнаружить и у современных японских писателей – все находится в одной плоскости.

Единое время как бы распадается на мгновения, или вечность проецируется в миге, мгновение несет на себя печать вечности, единое вырывается в единичном. Время ощущается как отдельные мгновения, а отдельные мгновения – как уникальный миг вечности. «Каждый миг человеческой жизни, – подчеркивал Д. Т. Судзуки, – в той мере, в какой он стал выражением внутренней сути, изначален, божественен, творится из ничего и не может быть восстановлен. Каждая индивидуальная жизнь, таким образом, есть великое произведение искусства. Сумеет или не сумеет человек сделать ее превосходным, неподражаемым шедевром, зависит от степени его понимания Пустоты (шунья), действующей в нем самом» [17, с. 31].

В Китае и Японии признание двустороннего движения породило у местного населения мысль об обратимом характере времени. Почему так случилось? Да потому, что идея небытия располагала к небытийному восприятию времени. Отношение к небытию как к залогоу жизни, т.е., все уже есть в невыявленной или непроявленной форме, породило понимание тенденции движения времени вспять.

Следует также подчеркнуть, что в японской грамматике не существует четко выраженного прошлого и будущего времени. Есть лишь двучленная система времен: не-прошлое время противопоставляется прошлому, при этом не-прошлое время объединяет в себе значение настоящего и будущего времен. При этом вектор времени направлен в прошлое и тогда, когда речь идет о будущем. Японцы нередко говорят, имея в виду будущее, т.е., то, что должно быть, как то, что находится позади нынешнего. Прошлое по японским меркам находится наверху, к нему поднимаются (*яп.* – «*саканабору*» - подниматься вверх по течению), т.е., поднимаются к истокам или же возвращаются к прошлому вспять, а потому настоящее находится внизу и к нему необходимо спускаться или нисходить.

Совсем иную картину мы видим в европейской культурной традиции. В европейской метафизике обнаруживается «рационально оформленное» понятие времени. Неразрывная взаимосвязь времени и изменчивости утверждается в основных текстах европейской философии: поэме Парменида, «Тимее» Платона, «Физике» Аристотеля.

В книге IV «Физики» Аристотель утверждает, что время – не само движение, но число движения в отношении «до» (предшествующего) и «после» (последующего). Для Аристотеля особенно важным в толковании времени является «теперь», в качестве того «неделимого», что обнаруживается во времени. В аналогии «время / теперь» = «линия / точка» выражена сама суть аристотелевского понятия времени, которое буквально «вросло» в европейское сознание и навсегда закрепило в европейской культурной традиции *пространственное понимание времени*. «...Мы больше никогда не расстанемся с этой аналогией, восполнившей ненаблюдаемость времени наблюдаемостью

пространства, – аналогией времени с линией, которая репрезентирует траекторию движущегося тела» [8, с. 31]. О «точечности» аристотелевского времени и о том, как это понимание фактически напрямую заимствуется Гегелем, пишет Хайдеггер [см.: 19, с. 432]. В христианстве Бог выражает себя, прежде всего во времени. Он однажды сотворил мир, Иисус Христос однажды явился, и также однажды настанет День Суда. По прямому пути Бог приводит все в исполнение. Данный линейный и одновременно «точечный» взгляд на время в европейской культурной традиции явился предпосылкой позднейших идей прогресса и эволюции.

Но у Парменида, Платона, Аристотеля мы обнаруживаем еще один род взаимосвязи: время является необходимым элементом определения различия между миром чувственным и умопостигаемым, между миром временным, изменчивым и действительно-сущим. Порядок изменений задан умопостигаемым началом, вынесенным за пределы чувственно / изменчивого мира. Ведь у Гераклита наряду с «непрерывным потоком» существует Логос – как упорядочивающее начало. Следовательно, изменчивое – это несущее, а тем самым – и не-мыслимое, а сущее и истинное – это вневременное, неизменное, вечное. Для европейской культурной традиции истина и время являются взаимоисключающими началами, и при этом время всегда представляется как абстрактная мера абстрактного движения.

Для восточной же культурной традиции время не является чем-то беспредметным и восточный человек не вкладывает в это понятие абстрактный смысл. Ни одному восточному мудрецу не приходила мысль рассматривать время как монотонную длительность, которая образуется в результате однообразного движения качественно близких друг другу мгновений. Восточное восприятие времени изначально нацелено на конкретно-качественное и конкретно-действенное соотнесение с другими мгновениями и ситуациями, т.е., данное восприятие времени более нацелено на координирование поступков, чем на формулирование абстрактных теорий. Этот феномен отражается, прежде всего, в «лингвистическом факторе». Возможность подобного хода мысли (формулирование абстрактных теорий) как бы «непредусмотрена» самим японским языком. В последнем отсутствуют «закостенелые» конструкты времени (вроде «линии» или «промежутка»), в которые постоянно попадает европейское мышление.

Мы привыкли к представлению о движении и времени как о постепенном восхождении от низшего к высшему. В основе структуры мышления западного человека лежит представление о причинно-следственной связи, обусловленности последующего предыдущим. Дело в том, что сознание, которое ориентировано на человека («человек есть мера всех вещей»), обречено на идею восхождения и прогресса. В этом заключается главное отличие движения человеческой истории от движения в природе.

В конечном счете, европейский антропоцентризм послужил краеугольным камнем преткновения для развития циклического восприятия движения и времени, как это характерно для Востока. И наоборот, отсутствие антропоцентрической структурированности восточного мышления привело к отсутствию идеи поступательного движения и отсутствию линейного вектора в понимании времени. По свидетельству самих японцев, идея поступательного движения – прогресса, когда новое утверждается за счет преодоления старого, была выдвинута у них лишь в XVIII в. их соотечественником

Томинага Никамото. Изучив путь, пройденный буддизмом, конфуцианством и синтоизмом, ученый обнаружил, что последующее, как правило, представляет собой отрицание предыдущего. И только в середине XIX в. японцы из европейских книг узнали о существовании таких понятий как «прогресс» и «эволюция», не без труда нашли им адекватные эквиваленты, составив из старых иероглифов новые понятия. Японские мыслители признавали идею изменчивости и развития, но они никогда не выдвигали идею эволюции и не считали, что то, что приходит, выше того, что уже было, т.е., что одно заменяет другое. У японцев существовало свое представление о характере движения: не возникновение нового за счет старого, а восстановление старого в новом цикле, что и находило свое смысловое выражение в понятии «традиционализма».

Модель мира, в основе которой лежало определенное представление о движении и времени, не могло не сказаться на законах композиции в архитектуре, живописи, музыке, поэзии. «Многоярусные пагоды раскинулись вширь, в пространство, дворцы напоминают храмы, трон не возвышает человека над земной жизнью, даже стулья не понадобились, и люди расположились на циновках. Во всем стремление, не оторваться от земли, не возвыситься над нею, а приблизиться к ней» [6, с. 65.], т.е. отрицание любых «происков» антропоцентризма. Стиль мышления не мог не отразиться и на лингвистической вербализации времени, и потому мы говорим: «Дни идут чередой», а японцы – «Один день находит на другой». Разные модели структурирования мышления привели к существованию разных культурных парадигм: Западной и Восточной.

Выводы. Понятие «небытия» и «времени» в японской культурной традиции не есть по преимуществу предмет теории, не есть нечто, на что нам следует точно нацеливать свою деятельность ума, поскольку «знание времени» (момента) не добывается логическим путем, а есть результат такого опыта, когда само время (порядок перемен) направляет наш любой поступок.

Литература:

1. *Безруков И. В.* Буддийское истолкование понятия «небытие» Нисида Китаро как основа критики западной философской традиции / И. В. Безруков. – Режим доступа: http://issuu.com/anton_108/docs/name_1623e4/1
2. *Безруков И. В.* Нисида Китаро: Сравнительный анализ японской и западной философии: Автореф. дис. ...канд. филос. наук: 09.00.03 / И. В. Безруков // Санкт-Петербургский государственный университет. – СПб., 2010. – 23 с.
3. *Богданович Т. А.* Очерки из прошлого и настоящего Японии / Т.А. Богданович // История Японии. Сб. историч. произведений. – М.: «Русская панорама» - «СПСЛ», 2010. – С.73 - 157.
4. *Васик Г. В.* Екстатичність у західноєвропейській та японській екзистенційній філософії: порівняльний аналіз: Автореф. дис. ...канд. філос. наук: 09.00.04 / В. Г. Васик // Київський ун-т ім. Т. Шевченка. – К., 2012. – 19 с.
5. *Григорьева Т. П.* Красотой Японии рожденный / Т. П. Григорьева. – М.: Искусство, 1993. – 464 с.
6. *Григорьева Т. П.* Японская художественная традиция / Т. П. Григорьева – М.: Искусство, 1979. – 291 с.
7. *Игнатович А.Н.* «Среда обитания» в системе буддийского мироздания / А. Н. Игнатович // Человек и мир в японской культуре. Сборник статей. – М. : Главная редакция вост. лит-ры изд-ва «Наука», 1985. – С. 48 - 71.

8. Жюльен Франсуа. О «времени». Элементы философии «жить» / Франсуа Жюльен. – М.: Прогресс-Традиция, 2005. – 280 с.
9. Капранов С. В. «Исе моногатари» як пам'ятка японської релігійно-філософської культури доби Хейан / С. В. Капранов. – К.: Вид. дім “КМ Академія”, 2004. – 168 с.
10. Козловский Ю. Б. Философия экзистенциализма в современной Японии / Ю. Б. Козловский. – М.: Наука, 1975. – 183 с.
11. Конрад Н.И. Япония. Народ и государство./ Н.И. Конрад // История Японии. Сб. историч. произведений. – М.: «Русская панорама» - «СПСЛ», 2010. – С. 166 - 348.
12. Мещеряков А.Н. Эволюция понятия «островная страна» в японской культуре / А. Н. Мещеряков // Вопросы философии. – 2012. - № 8. – С. 72 – 84.
13. Скворцова Е. Л. Япония: кризис культурной идентичности при встрече с западной цивилизацией / Е. Л. Скворцова // Вопросы философии. – 2012. - № 7. – С. 52 - 63.
14. Солонин К. Ю. Хайдеггер и японская философия / К. Ю. Солонин // Хайдеггер и восточная философия: поиск взаимодополнительности культур. Отв. ред. Корнеев М. Я., Торчинов Е.А. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. – С. 77-94.
15. Стрелкова А. Ю. Принципи дзен-буддизму у філософії Дьбгена: Автореф. дис. ...канд. філос. наук: 09.00.05 / А. Ю. Стрелкова // АН України, Ін-т філософії. – К., 2006. – 16 с.
16. Судзуки Д. Т. Наука Дзен – Ум Дзен / Д. Т. Судзуки. – К.: Преса України, 1992. – 176 с.
17. Трубникова Н. Н. Рассуждения о Японии как «стране Богов» в XVIII в. / Н. Н. Трубникова // Вопросы философии. – 2012. - № 8. – С. 85 – 94.
18. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – СПб.: Наука, 2002. – 447 с.

Annotation

T.A. Mozgova “Not-being and time” in Japanese Rationality. *There is attempt to compare Eastern and Western models of thinking on examples of Japanese and European types of rationality in this article. The author emphasized that the problem of not-being nature of time as a special form of being organisation in Japanese spiritual tradition is a result of traditional syncretism of Shinto, Zen Buddhism and Taoism worldviews. The aim of the study was comprehension of the specific of not-being nature of time, which is based on the Oriental conception of not-being. The Oriental conception of not-being and time is a subject of study for such Russian and Ukrainian philosophers and Orientalist-researchers as I.Bezrukov, G.Vasyk, T.Grigorieva, S.Kapranov, Y.Kozlovsky, A.Meshcheryakov, E.Skvortsova, K.Solonin, A.Strelkova, N.Trubnikov.*

Keywords: *Shinto, Zen Buddhism, Taoism, not-being, not-being nature of time, not-dual model of the world, Oriental conception of not-being, Oriental conception of not-being, being, not-being, time, not-being nature of time, time as it should be, to follow time, spatial understanding of time.*